
Г.-Х. Андерсен
СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК
и другие сказки

Г.-Х. Андерсен

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

и другие сказки

ПЕРЕВОД С ДАТСКОГО
А. ГАНЗЕН

РИСУНКИ
А. АРХИПОВОЙ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1980

А $\frac{70802-457}{М101(03)80}$ 363—80

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Было когда-то на свете двадцать пять оловянных солдатиков, все братья, потому что родились от старой оловянной ложки. Ружьё на плече, смотрят прямо перед собой, а мундир-то какой великолепный — красный с синим! Лежали они в коробке, и когда крышку сняли, первое, что они услышали, было:

— Ой, оловянные солдатики!

Это закричал маленький мальчик и захлопал в ладоши. Их подарили ему на день рождения, и он сейчас же расставил их на столе.

Все солдатики оказались совершенно одинаковые, и только один-единственный был немножко не такой, как все: у него была только одна нога, потому что отливали его последним и олова не хватило. Но и на одной ноге он стоял так же твёрдо, как остальные на двух, и вот с ним-то и приключится замечательная история.

На столе, где очутились солдатики, стояло много других игрушек, но самым приметным был красивый дворец из картона. Сквозь маленькие окна можно было заглянуть прямо в залы. Перед дворцом, вокруг маленького зеркальца, которое изображало озеро, стояли деревца, а по озеру плавали восковые лебеди и гляделись в него.

Всё это было куда как мило, но милее всего была девушка, стоявшая в дверях замка. Она тоже была вырезана из бумаги, но юбочка на ней была из тончайшего батиста; через плечо у неё шла узенькая голубая ленточка, будто шарф, а на груди сверкала блёстка не меньше головы самой девушки. Девушка стояла на одной ноге, вытянув перед собой руки,— она была танцовщица,— а другую вскинула так высоко, что оловянный солдатик и не видел её, а потому решил, что она тоже одноногая, как и он.

«Вот бы мне такую жену! — подумал он. — Только она, видать, из знатных, живёт во дворце, а у меня всего-то и есть, что коробка, да и то нас в ней целых двадцать пять солдат, не место ей там! Но познакомиться можно!»

И он притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе. Отсюда он отлично видел прелестную танцовщицу.

Вечером всех остальных оловянных солдатиков, кроме него одного, водворили в коробку, и люди в доме легли спать. А игрушки сами стали играть — и в гости, и в войну, и в бал. Оловянные солдатики ворошились в коробке — ведь им тоже хотелось играть, — да не могли поднять крышку. Щелкунчик кувыркался, грифель плясал по доске.

Поднялся такой шум и гам, что канарейка проснулась да как засвистит, и не просто, а стихами! Не трогались с места только оловянный солдатик да танцовщица. Она по-прежнему стояла на одном носке, протянув руки вперёд, а он браво стоял на своей единственной ноге и не сводил с неё глаз.

Вот пробило двенадцать, и — щёлк! — крышка табакерки отскочила, только в ней оказался не табак, нет, а маленький чёрный тролль. Табакерка-то была с фокусом.

— Оловянный солдатик, — сказал тролль, — не смотри куда не надо!

Но оловянный солдатик сделал вид, будто не слышит.

— Ну погоди же, вот наступит утро! — сказал тролль.

И наступило утро; встали дети, и оловянного солдатика поставили на подоконник. Вдруг, по милости ли тролля, или от сквозняка, окно как распахнётся и солдатик как полетит вниз головой с третьего этажа! Это был ужасный полёт. Солдатик взбросил ногу в воздух, воткнулся каской и штыком между камнями мостовой, да так и застрял вниз головой.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали искать его, но никак не могли увидеть, хотя чуть не наступали на него ногами. Крикни он им: «Я тут!» — они, наверное, и нашли бы его, да только не пристало солдату кричать во всё горло — ведь на нём был мундир.

Начал накрапывать дождь, капли падали всё чаще, и наконец хлынул настоящий ливень. Когда он кончился, пришли двое уличных мальчишек.

— Гляди-ка! — сказал один. — Вон оловянный солдатик! Давай отправим его в плаванье!

И они сделали из газетной бумаги кораблик, посадили в него оловянного солдатика, и он поплыл по водосточной канаве. Мальчишки бежали рядом и хлопали в ладоши. Батюшки, какие волны

ходили по канаве, какое стремительное было течение! Ещё бы, после такого ливня!

Кораблик бросало то вверх, то вниз и вертело так, что оловянный солдатик весь дрожал, но он держался стойко — ружьё на плече, голова прямо, грудь вперёд.

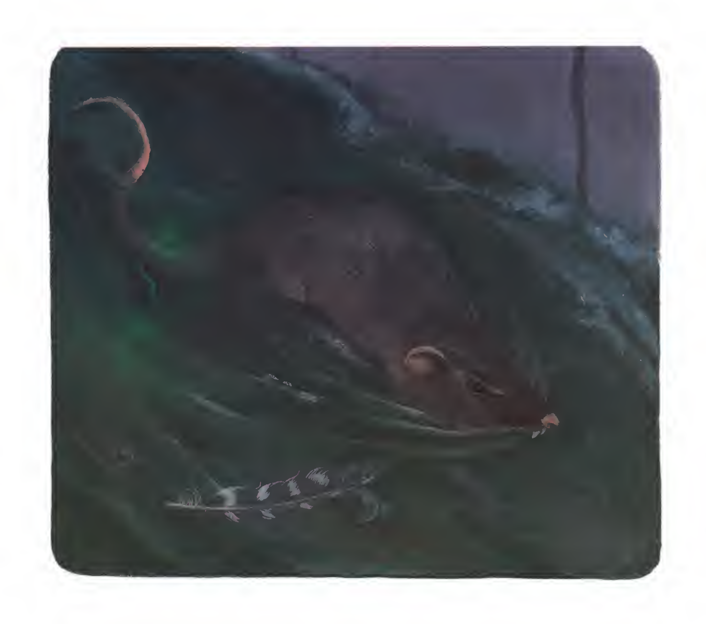
Вдруг кораблик нырнул под длинные мостки через канаву. Стало так темно, будто солдатик опять попал в коробку.

«Куда меня несёт? — думал он. — Да, да, всё это проделки тролля! Ах, если бы со мною в лодке сидела та барышня, тогда будь хоть вдвое темнее, и то ничего!»

Тут появилась большая водяная крыса, жившая под мостками.

— Паспорт есть? — спросила она. — Предъяви паспорт!

Но оловянный солдатик как воды в рот набрал и только ещё крепче сжимал ружьё. Кораблик несло всё вперёд и вперёд, а крыса

плыла за ним вдогонку. У! Как скрежетала она зубами, как кричала плывущим навстречу щепкам и соломинам:

— Держите его! Держите! Он не уплатил пошлины! Он беспаспортный!

Но течение становилось всё сильнее и сильнее, и оловянный солдатик уже видел впереди свет, как вдруг раздался такой шум, что испугался бы любой храбрец. Представьте себе, у конца мостика водосточная канава впадала в большой канал. Для солдатика это было так же опасно, как для нас нестись в лодке к большому водопаду.

Вот канал уже совсем близко, остановиться невозможно. Кораблик вынесло из-под мостка, бедняга держался, как только мог,

и даже глазом не моргнул. Кораблик развернуло три, четыре раза, залило водой до краёв, и он стал тонуть.

Солдатик оказался по шею в воде, а кораблик погружался всё глубже и глубже, бумага размокла. Вот вода покрыла солдатика с головой, и тут он подумал о прелестной маленькой танцовщице — не видать ему её больше. В ушах у него зазвучало:

Вперёд стремись, воитель,
Тебя настигнет смерть!

Тут бумага окончательно расползлась, и солдатик пошёл ко дну, но в ту же минуту его проглотила большая рыба.

Ах, как темно было внутри, ещё хуже, чем под мостком через водосточную канаву, да ещё и тесно в придачу! Но оловянный солдатик не потерял мужества и лежал растянувшись во весь рост, не выпуская из рук ружья...

Рыба заходила кругами, стала выделывать самые диковинные скачки. Вдруг она замерла, в неё точно молния ударила. Блеснул свет, и кто-то крикнул: «Оловянный солдатик!» Оказывается, рыбу поймали, привезли на рынок, продали, принесли на кухню, и кухарка распорола ей брюхо большим ножом. Затем кухарка взяла солдатика двумя пальцами за поясницу и принесла в комнату. Всем хотелось посмотреть на такого замечательного человечка — ещё бы, он проделал путешествие в брюхе рыбы! Но оловянный солдатик ничуть не загордился. Его поставили на стол, и — каких только чудес не бывает на свете! — он оказался в той же самой комнате, увидал тех же детей, на столе стояли те же игрушки и чудесный дворец с прелестной маленькой танцовщицей. Она по-прежнему стояла на

одной ноге, высоко вскинув другую, — она тоже была стойкая. Солдатик был тронут и чуть не заплакал оловянными слезами, но это было бы непригоже. Он смотрел на неё, она на него, но они не сказали друг другу ни слова.

Вдруг один из малышей схватил оловянного солдатика и швырнул в печку, хотя солдатик ничем не провинился. Это, конечно, подстроил тролль, что сидел в табакерке.

Оловянный солдатик стоял в пламени, его охватил ужасный жар, но был ли то огонь или любовь — он не знал. Краска с него совсем сошла, никто не мог бы сказать, отчего — от путешествия или от горя. Он смотрел на маленькую танцовщицу, она на него, и он чувствовал, что тает, но по-прежнему держался стойко, не выпуская из рук ружья. Вдруг дверь в комнату распахнулась, танцовщицу подхватило ветром, и она, как сильфида, порхнула прямо в печку к оловянному солдатику, вспыхнула разом — и нет её. А оловянный солдатик стаял в комочек, и наутро горничная, выгребая золу, нашла вместо солдатика оловянное сердечко. А от танцовщицы осталась одна только блёстка, и была она обгорелая и чёрная, словно уголь.

ГАДКИЙ УТЁНОК

Хорошо было за городом! Стояло лето. Золотилась рожь, зеленел овёс, сено было смётано в стога; по зелёному лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — этому языку он выучился у матери. За полями и лугами тянулись большие леса, а в лесах были глубокие озёра. Да, хорошо было за городом!

Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окружённая глубокими канавами с водой; от стен дома до самой воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятишки могли стоять под самыми крупными листьями во весь рост. В чаще лопуха было глухо и дико, как в самом густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Она должна была выводить утят, и ей это порядком надоело, потому что сидела она уже давно и её редко навещали — другим уткам больше нравилось плавать по канавам, чем сидеть в лопухах да крякать с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

— Пип! Пип! — запищало внутри.

Все яичные желтки ожили и высунули головки.

— Кряк! Кряк! — сказала утка.

Утята быстро выкарабкались из скорлупы и стали озираться кругом под зелёными листьями лопуха; мать не мешала им — зелёный цвет полезен для глаз.

— Ах, как велик мир! — сказали утята.

Ещё бы! Тут было куда просторнее, чем в скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? — сказала мать.— Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда за сад, в поле, но там я отроду не бывала!.. Ну что, все вы тут? — И она встала.— Ах нет,

не все. Самое большое яйцо целёхонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпение.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — спросила старая утка, которая пришла её навестить.

— Да вот с одним яйцом никак не управлюсь, — сказала молодая утка. — Всё не лопается. Зато посмотри-ка на малюток! Просто прелесть! Все, как один, — в отца.

— А ну-ка покажи мне яйцо, которое не лопается, — сказала старая утка. — Наверняка это индюшечье яйцо. Вот точно так же и меня однажды провели. Ну и было же мне с этими индюшатами хлопот, скажу я тебе! Никак не могла заманить их в воду. Уж я и крякала, и толкала — не идут, да и только! Ну-ка, покажи яйцо. Так и есть! Индюшечье! Брось его да ступай учи деток плавать!

— Посижу уж ещё! — сказала молодая утка. — Столько сидела, что можно и ещё посидеть.

— Как угодно! — сказала старая утка и ушла.

Наконец лопнуло и большое яйцо.

— Пип! Пип! — пропищал птенец и вывалился из яйца.

Но какой же он был большой и гадкий!

Утка оглядела его.

— Ужасно велик! — сказала она. — И совсем не похож на остальных! Уж не индюшонок ли это, в самом деле? Ну да в воде-то он у меня побывает, силой, да загоню!

На другой день погода стояла чудесная, зелёный лопух был залит солнцем.

Утка со всею своею семьёй отправилась к канаве. Бултых! — и она очутилась в воде.

— Кряк! Кряк! — позвала она, и утята один за другим тоже побултыхались в воду.

Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперёд. Лапки у них так и работали, и даже некрасивый серый утёнок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Вон как славно гребёт лапками! И как прямо держится! Нет, мой он, мой родненький... Да он вовсе и не дурен, как посмотришь на него хорошенько. Ну, живо, живо за мной! Сейчас я введу вас в общество, представлю вас на птичьем дворе. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум! Два утиных семейства дрались из-за одной головки угря, а кончилось тем, что головка досталась кошке.

— Вот видите, как бывает на свете! — сказала утка и облизнула язычком клюв — она и сама была не прочь отведать угриной головки.— Ну-ну, шевелите лапками! — сказала она утятам.— Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у неё на лапке красный лоскут. Как красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что её не хотят потерять,— по этому лоскуту её узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вовнутрь! Благовоспитанный утёнок должен выворачивать лапки наружу, как отец и мать. Вот так! Смотрите! Теперь наклоните голову и скажите: «Кряк!»

Так они и сделали. Но другие утки оглядели их и сказали громко:

— Ну вот, ещё целая орава! Как будто нас мало было? А один-то какой безобразный! Уж его-то мы не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в затылок.

— Оставьте его! — сказала утка-мать.— Ведь он вам ничего не сделал!

— Положим, но он такой большой и странный! — ответила чужая утка.— Ему надо задать хорошенько...

— Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутом на лапе.— Все славные, вот только один... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

— Это никак невозможно, ваша милость! — ответила утка-мать.— Он некрасив, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать — лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце, оттого и не совсем удался.— И она почесала у него в затылке и огладила пёрышки.— К тому же он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он окрепнет и пробьёт себе дорогу.

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала старая утка.— Ну, будьте как дома, а найдёте угриную головку, можете принести её мне.

Вот утята и устроились как дома. Только бедного утёнка, который вылупился позже всех и был такой безобразный, клевали, толкали и дразнили решительно все — и утки и куры.

— Больно велик! — говорили они.

А индейский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел к утёнку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью.

Бедный утёнок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же ему было уродиться таким безобразным, что весь птичий двор смеётся над ним!..

Так прошёл первый день, а потом пошло ещё хуже. Все гнали бедного утёнка, даже братья и сёстры сердито говорили ему: «Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод!» А мать прибавляла: «Глаза бы на тебя не глядели!» Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, толкала ногою.

Не выдержал утёнок, перебежал двор — и через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

«Это оттого, что я такой безобразный!» — подумал утёнок, закрыл глаза и пустился дальше. Бежал-бежал, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Усталый и печальный, пролежал он тут всю ночь.

Утром дикие утки поднялись из гнёзд и увидали нового товарища.

— Это что за птица? — спросили они.

Утёнок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

— Ну и страшилище ты! — сказали дикие утки.— Впрочем, нам всё равно, только не думай породниться с нами.

Бедняжка! Где уж ему было думать об этом! Только бы позволили ему посидеть в камышах да попить болотной водицы.

Два дня провёл он в болоте. На третий день явились два диких гусака. Они лишь недавно вылупились из яиц и поэтому очень важничали.

— Слушай, дружище! — сказали они.— Ты такой урод, что, право, нравишься нам! Хочешь летать с нами и быть вольной птицей? Здесь поблизости есть другое болото, там живут хорошенькие дикие гуси-барышни. Они умеют говорить: «Га-га-га!» Ты такой урод, что, чего доброго, будешь иметь у них успех.

Пиф! Паф! — раздалось вдруг над болотом, и оба гусака замертво упали в камыши; вода обагрилась их кровью. Пиф! Паф! — раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пошла пальба. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые засели даже в нависших над болотом ветвях деревьев. Голубой дым облаками окутывал деревья и стлался над водой. По болоту бегали охотничьи собаки — шлёп! шлёп! Камыш и тростник так и качались из стороны в сторону.

Бедный утёнок был ни жив ни мёртв от страха. Он хотел было спрятать голову под крыло, как вдруг прямо перед ним очутилась охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она сунулась пастью к утёнку, оскалила острые зубы и — шлёп! шлёп! — побежала дальше.

«Не тронула,— подумал утёнок и перевёл дух.— Уж видно, такой я безобразный, что даже собаке противно укусить меня!»

И он притаился в камышах. Над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утёнок долго ещё боялся пошевелиться. Лишь через несколько часов он осмелился встать, огляделся и пустился бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утёнок еле-еле мог двигаться.

К ночи добежал он до бедной избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась. Ветер так и подхватывал утёнка — приходилось упираться в землю хвостом. А ветер всё крепчал. Тут утёнок заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит так криво, что можно свободно проскользнуть через щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старуха с котом и курицей. Кота она звала сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже пускать искры, если погладить его против шерсти. У курицы были маленькие, коротенькие ножки, потому её и прозвали Коротконожкой; она прилежно несла яйца, и старушка любила её, как дочку.

Утром чужого утёнка заметили. Кот замурлыкал, курица заклохтала.

— Что там? — спросила старушка, осмотрелась кругом и заметила утёнка, но по слепоте приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка! — сказала старушка.— Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну, да увидим, испытаем!

И утёнка приняли на испытание. Но прошло недели три, а яиц всё не было. Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой — курица, и оба всегда говорили: «Мы и весь свет!»

Они считали самих себя половиной всего света, и притом лучшей половиной. Правда, утёнок полагал, что можно быть на этот счёт и другого мнения. Но курица этого не потерпела.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утёнка.

— Нет.

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спину, мурлыкать и пускать искры?

— Нет.

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утёнок сидел в углу нахохлившись.

Вдруг вспомнились ему свежий воздух и солнышко, страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Да что с тобой? — спросила она.— Бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и лезет! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдёт!

— Ах, плавать так приятно! — сказал утёнок.— Такое удовольствие нырять вниз головой в самую глубь!

— Вот так удовольствие! — сказала курица.— Ты совсем с ума сошёл! Спроси у кота — он умнее всех, кого я знаю,— нравится ли ему плавать и нырять. О себе самой я уж и не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки госпожи, умнее её никого нет на свете! По-твоему, и ей хочется плавать или нырять?

— Вы меня не понимаете,— сказал утёнок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймёт! Ты что ж,

хочешь быть умнее кота и хозяйки, не говоря уже обо мне? Не дури, а будь благодарен за всё, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать-то с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда узнаются истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да пускать искры!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят,— сказал утёнок.

— Ну и ступай себе! — отвечала курица.

И утёнок ушёл. Он плавал и нырял, но все животные по-прежнему презирали его за безобразие.

Настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их по воздуху. Стало очень холодно. Тяжёлые тучи сыпали на землю то град, то снег, а на изгороди сидел ворон и каркал от холода во всё горло. Брр! Замёрзнешь при одной мысли о таком холоде! Плохо приходилось бедному утёнку.

Раз под вечер, когда солнышко ещё сияло на небе, из кустов поднялась целая стая прекрасных больших птиц, утёнок никогда ещё не видал таких красивых: все белые как снег, с длинными, гибкими шеями.

Это были лебеди. Издав странный крик, они всплеснули великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в тёплые края, за синее море. Высоко-высоко поднялись лебеди, а бедного утёнка охватила непонятная тревога. Волчком завертелся он в воде, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Ах, он не мог оторвать глаз от этих прекрасных счастливых птиц, а когда они совсем скрылись из виду, нырнул на самое дно, вынырнул и был словно не в себе. Не знал утёнок, как зовут этих птиц, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал; ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они.

Он был бы рад-радёхонек, если б хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утёнок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утёнку приходилось плавать без отдыха, чтобы не дать воде замёрзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась всё меньше и меньше.

Морозило так, что даже лёд потрескивал. Без устали работал лапками утёнок, но под конец совсем выбился из сил, замер и весь обмёрз.

Рано утром проходил мимо крестьянин. Он увидал утёнка, раз-

бил лёд своими деревянными башмаками и отнёс полумёртвую птицу домой к жене. Утёнка отогрели.

Но вот дети вздумали поиграть с ним, а ему показалось, что они хотят обидеть его. Шарахнулся от страха утёнок и угодил прямо в подойник с молоком. Молоко расплескалось. Хозяйка вскрикнула и взмахнула руками, а утёнок между тем влетел в кадку с маслом, а оттуда — в бочонок с мукой. Батюшки, на что он стал похож! Хозяйка кричала и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо ещё, дверь была открыта,— утёнок выскочил, кинулся в кусты, прямо на свежевыпавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально описывать все беды и несчастья утёнка за эту суровую зиму. Когда же солнышко опять пригрело землю своими тёплыми лучами, он лежал в болоте, в камышах. Запели жаворонки. Пришла весна!

Утёнок взмахнул крыльями и полетел. Теперь в крыльях его гудел ветер, и они были куда крепче прежнего. Не успел он опомниться, как очутился в большом саду. Яблони стояли в цвету; душистая сирень склоняла свои длинные зелёные ветви над извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весною!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утёнок узнал прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

— Полечу-ка к ним, к этим величавым птицам. Они, наверное, заклюют меня насмерть за то, что я, такой безобразный, осмелился приблизиться к ним. Но пусть! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою!

И он опустился на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, которые, завидя его, тоже поплыли к нему.

— Убейте меня! — сказал бедняжка и низко опустил голову, ожидая смерти, но что же увидел он в чистой, как зеркало, воде? Своё собственное отражение. Но он был уже не гадким тёмно-серым утёнком, а лебедем.

Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца!

Теперь он был рад, что перенёс столько горя и бед,— он мог лучше оценить своё счастье и окружавшее его великолепие. А большие лебеди плавали вокруг и гладили его клювами.

В сад прибежали маленькие дети. Они стали бросать лебедям хлебные крошки и зёрна, а самый младший закричал:

— Новый прилетел!

И все остальные подхватили:

— Новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости, а потом побежали за отцом и матерью и опять стали бросать в воду крошки хлеба и пирожного. Все говорили:

— Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним голову.

А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он был очень счастлив, но нисколько не возгордился — доброе сердце не знает гордости; ему вспоминалось то время, когда все смеялись над ним и гнали его. А теперь все говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных птиц. Сирень склоняла к нему в воду свои душистые ветви, солнышко светило так тепло, так ярко... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был ещё гадким утёнком!

СТАРЫЙ ДОМ

На одной улице стоял старый-престарый дом, построенный лет триста тому назад. Это можно было прочесть на балке, где год его постройки был вырезан в обрамлении тюльпанов и плетей хмеля. Там же было целое стихотворение, написанное буквами, какими писали в старину, а над каждым окном красовались уморительные рожи. Верхний этаж далеко выступал над нижним, а под самой крышей проходил водосточный жёлоб, оканчивавшийся головой дракона. Дождевая вода должна была вытекать у дракона из пасти, но текла из брюха — жёлоб-то был дырявый.

Все прочие дома на улице были такие новенькие, опрятные, с большими окнами и ровными стенами. Сразу видно было, что они не желают иметь ничего общего со старым домом и, пожалуй, даже думают про себя: «Долго ли это старьё будет торчать тут на позор всей улицы? Из-за этого выступа нам не видно, что делается дальше на нашей стороне улицы. А лестница-то! Широченная, будто во дворце, высоченная, словно ведёт на колокольню. Железные перила как у входа в могильный склеп, да ещё с медными шишками. Какая безвкусица!»

На другой стороне улицы дома были такие же новенькие, опрятные, и думали они то же самое. Но в одном из них сидел у окна маленький краснощёкий мальчик с ясными лучистыми глазами. Ему старый дом и при солнце и при луне нравился куда больше всех остальных. Он глядел на стену старого дома с облупившейся штукатуркой, и его воображению рисовались самые причудливые картины прошлого: целая улица, застроенная такими же домами с широкими лестницами, выступами и островерхими кровлями, солдаты с але-

бардами и водосточные желоба, извивающиеся, словно драконы и змии. Да, на этот дом можно было заглядеться!

А жил в нём старик, носивший панталоны до колен, камзол с большими металлическими пуговицами и парик — самый настоящий, это сразу было видно.

По утрам к старику являлся старый слуга, который прибирал в доме и ходил за покупками. Остальное время старик оставался в доме совсем один. Случалось, он подходил к окну и выглядывал на улицу. Мальчик кивал ему, и старик кивал в ответ. Так они познакомились и подружились, хотя не обмолвились ни словом. Ну да это ничуть им не мешало.

Мальчик слышал, как родители его говорили:

— Старику живётся неплохо, вот только он ужасно одинок!

И вот в ближайшее же воскресенье мальчик завернул что-то в бумагу, вышел за ворота и остановил проходившего мимо слугу старика.

— Послушай! Снеси-ка это от меня старому господину напротив! У меня два оловянных солдатика, так вот ему один! Пусть возьмёт его, ведь я знаю, что он ужасно одинок!

Старый слуга обрадованно кивнул и отнёс солдатика в старый дом. Потом тот же слуга вернулся спросить, не хочет ли мальчик сам побывать у старика. Родители позволили, и мальчик отправился в гости.

Медные шишки на перилах блестели ярче обычного, как будто их вычистили к приходу гостя. А резные трубачи — на дверях были вырезаны трубачи, выглядывающие из тюльпанов, — казалось, трубили изо всех сил, и щёки их так и раздувались: «Ту-ру-ру! Мальчик идёт! Ту-ру-ру!»

Двери открылись, и мальчик вошёл в коридор. Стены здесь были увешаны старинными портретами рыцарей в доспехах и дам в шёлковых платьях. Доспехи бряцали, платья шуршали... Внутренняя лестница сначала поднималась высоко вверх, а потом приспускалась вниз, и вот уж мальчик на изрядно ветхой террасе с большими дырами и длинными щелями в полу, через которые пробивались зелёная трава и листья. Вся терраса, весь двор и стена дома так густо поросли зеленью, что терраса казалась настоящим садом, хотя на самом-то деле она была всего-навсего терраса! Тут стояли старинные цветочные горшки в виде голов с ослиными ушами. Цветы в них росли как хотели. В одном горшке так и лезла через край гвоздика. Зелёные ростки её разбегались во все стороны и как будто говорили: «Ветерок ласкает меня, солнышко целует и обещает подарить мне ещё один цветок в воскресенье! Цветок в воскресенье!»

С террасы мальчика провели в комнату, обитую свиной кожей, тиснённой золотыми цветами. «Позолота сотрётся, свиная кожа остаётся!» — сказали стены. В этой комнате стояли резные кресла с высокими спинками и подлокотниками.

— Присядь! Присядь! — приглашали они. — Ох, какая ломота в костях! И мы схватили ревматизм, как и старый шкаф. Ревматизм в пояснице!

Наконец мальчик попал в комнату с выступом на улицу. Тут сидел старичок хозяин.

— Спасибо за оловянного солдатика, дружок! — сказал он. — И спасибо за то, что зашёл проведать!

«Так, так!» или, скорее, «крак, крак!» закряхтела вся мебель. Стульев, столов и кресел было так много, что они чуть ли не выглядывали друг у дружки из-за спины, чтобы посмотреть на мальчика.

На стене висел портрет молодой дамы с красивым живым лицом, но причёсанной и одетой по старинной моде: волосы напудрены, платье колоколом. Она не сказала ни «так», ни «крак», а только ласково посмотрела на мальчика, и он сразу же спросил у старика:

— Где ты её достал?

— Напротив, у старьёвщика, — отвечал тот. — Там много таких портретов, но никому до них дела нет: никто не знает, с кого они писаны, все эти люди давным-давно покоятся в земле. Вот и эта дама умерла лет пятьдесят назад, но я знал её.

За стеклом под картиной висел букет сухих цветов. Им, верно, тоже было лет под пятьдесят, такие старые они были на вид.

Маятник больших часов качался взад и вперёд, стрелка двигалась по кругу, и всё в комнате старело с каждой минутой, само того не замечая.

— У нас дома говорят, что ты ужасно одинок,— сказал мальчик.

— О, меня постоянно навещают воспоминания прошлого... Они приводят с собой столько знакомых лиц и образов! А теперь вот и ты навестил меня! Нет, мне хорошо!

И старичок снял с полки книгу с картинками. Тут были целые процессии, диковинные кареты, каких сегодня уже не увидишь, солдаты, похожие на трефовых валетов, ремесленники с развевающимися цеховыми знамёнами. У портных на знамёнах были изображены ножницы, поддерживаемые двумя львами, а у сапожников — не сапоги, а двуглавый орёл: сапожники ведь делают всё парные вещи.

Да, это была книга так книга!

Старичок хозяин пошёл в другую комнату за вареньем, яблоками и орехами. Нет, в старом доме было чудо как хорошо!

— А я здесь не выдержу! — сказал оловянный солдатик, стоявший на сундуке.— Тут так пусто, так печально. Нет, кто привык к жизни в семье, тому здесь не житьё. Я здесь не выдержу! День тянется здесь без конца, а вечер и того дольше. Тут не услышишь ни приятных бесед, какие вели, бывало, твои родители, ни весёлой возни ребятишек. Нет, старый хозяин так одинок! Ты думаешь, его кто-нибудь целует? Глядит на него ласково? Устраивает у него ёлку? Ничего у него нет впереди, кроме похорон. Я здесь не выдержу!

— Ну, полно! — сказал мальчик.— По-моему, здесь чудесно. А ещё сюда приходят старые воспоминания и приводят с собою столько знакомых лиц!

— Не видал, не знаю! — отвечал оловянный солдатик.— Я здесь не выдержу!

— Должен выдержать! — сказал мальчик.

Тут в комнату вошёл сияющий хозяин с отменным вареньем, яблоками и орехами, и мальчик думать забыл об оловянном солдатике.

Весёлый и довольный вернулся он домой. Проходили дни и недели. Мальчик просил слугу кланяться хозяину старого дома, и тот просил кланяться в ответ, и вот мальчик опять отправился к нему в гости.

Резные трубачи затрубили: «Ту-ру-ру! Мальчик идёт! Ту-ру-ру!» Рыцари на портретах забряцали мечами и доспехами, дамы зашелестели платьями; свиная кожа заговорила, а старые кресла заскрипели и закряхтели от ревматизма в пояснице: «Ох!» Словом, всё

было как в первый раз, потому что часы и дни в старом доме шли один как другой, без всякой перемены.

— Я не выдержу! — сказал оловянный солдатик.— Я уже плакал оловом. Здесь чересчур тоскливо. Отправьте меня лучше на войну, пусть я лишусь рук и ног — всё-таки перемена. Сил моих больше нет! Теперь я знаю, как это приходят старые воспоминания и приводят с собой знакомые лица! Меня они тоже посетили, и, поверь, им не обрадуешься! Особенно если они зачастят. Под конец я чуть не спрыгнул с сундука. Я видел тебя и всех твоих, вы все стояли передо мной как живые. Было то самое воскресное утро, ты помнишь. Все вы, ребятишки, стояли в столовой и пели. Мать и отец стояли рядом. Вдруг дверь отворилась, и вошла ваша двухгодовалая сестрёнка Мария. А ей стоит только услышать музыку или пение — всё равно какое — сейчас же в пляс. Вот она и давай танцевать, только никак в такт не попадёт — вы пели так протяжно. А она вытянет шейку и то одну ножку поднимет, то другую — нет, всё не ладится! Я не удержался, засмеялся про себя, да и кувырк со стола! Набил себе шишку, до сих пор не прошла, и поделом мне. И ещё много чего вспоминается мне. Всё, что я видел, слышал и пережил у вас дома, стоит у меня перед глазами. Так вот, оказывается, какие они, эти воспоминания, вот что они приводят с собой... Вы по-прежнему поёте по воскресеньям? Расскажи мне что-нибудь про малютку Марию! И ещё — как поживает мой товарищ, второй оловянный солдатик? Вот счастливец! Нет, нет, я просто не выдержу!

— Я тебя подарил! — сказал мальчик.— И ты должен оставаться тут! Как ты этого не понимаешь!

Вошёл старичок со шкатулкой, доверху набитой разными занятными вещами: баночками для белил и притирок, старинными картами — таких больших, расписанных золотом, теперь уж не увидишь. Старичок отпер для гостя и большие ящики старинного бюро, открыл клавикорды, на крышке которых изнутри был нарисован ландшафт. Инструмент издавал тихие дребезжащие звуки, а сам хозяин напевал при этом какую-то песню.

— Это она певала когда-то! — сказал старичок, кивнув на портрет, купленный у старьёвщика, и глаза его заблестели.

— Хочу на войну! Хочу на войну! — во всё горло закричал оловянный солдатик и бросился с сундука на пол.

Куда же он девался? Искал его и сам старичок хозяин, искал и мальчик — нет нигде, да и только.

— Ну, я найду его после! — сказал старичок, но так и не нашёл. Пол был весь в щелях, солдатик упал в одну из них и лежал там, как в открытой могиле.

День прошёл, и мальчик вернулся домой, и прошла неделя, а за ней и ещё несколько недель. Окна замёрзли, и мальчику приходилось дышать на стекло, чтобы оттаял глазок и можно было взглянуть на старый дом. Снег запорошил все завитушки и надпись на балке, завалил лестницу — дом стоял словно нежилой. Так оно и было: старичок, хозяин его, умер.

Вечером к старому дому подъехала повозка, на неё поставили гроб и повезли старичка за город — его должны были похоронить в фамильном склепе. Никто не шёл за гробом — все друзья старика давным-давно умерли. Мальчик послал вслед гробу воздушный поцелуй.

Несколько дней спустя в старом доме назначен был аукцион. Мальчик видел из окна, как уносили старинные портреты рыцарей и дам, цветочные горшки с ослиными ушами, старинные стулья и шкафы.

Всё это разошлось что куда. Портрет дамы, купленный в лавке старьёвщика, вернулся туда же, да так там и остался — никто ведь не знал этой дамы, никому не нужен был её портрет.

А весной снесли и сам старый дом — эту развалюху, как говорили люди. С улицы можно было видеть комнату, обитую свиной кожей, которая была порвана и свисала клочьями. Зелень террасы густо обвивала падающие балки. А потом место это расчистили совсем.

— Вот и отлично! — сказали соседние дома.

Вместо старого дома появился новый, с большими окнами и ровными белыми стенами. Перед ним, там, где стоял старый дом, разбили садик, и виноградные лозы потянулись оттуда к стене соседнего дома. Перед садиком поставили железную решётку с железной калиткой. Всё это выглядело так красиво, что прохожие останавливались и глядели сквозь решётку. Воробьи стайками усаживались на виноградные лозы и чирикали наперебой, да только не о старом доме — они ведь не могли его помнить. С тех пор прошло столько лет, что мальчик успел стать мужчиной — дельным мужчиной на радость своим родителям. Он только что женился и переехал со своей молодой женой в этот новый дом. И вот он стоял в садике и глядел, как его жена сажала в клумбу приглянувшийся ей полевой цветок. Посадив цветок, она хотела примять землю пальцами и вскрикнула:

— Ой! Что это?

Она укололась — из рыхлой земли торчало что-то острое.

Это был — представьте себе! — оловянный солдатик, тот самый, что пропал у старика, завалялся-затерялся в мусоре и много лет пролежал в земле.

Молодая женщина обтёрла солдатика сначала зелёным листом, а затем своим тонким носовым платком. Какой чудесный аромат исходил от него! Оловянный солдатик словно от обморока очнулся.

— Дай-ка взглянуть! — сказал молодой человек, смеясь и качая головой.— Это, конечно, не тот самый, но он напоминает мне историю с оловянным солдатиком, когда я был ещё маленьким.

И он рассказал своей жене о старом доме, его хозяине и оловянном солдатике, которого послал старику, потому что тот был ужасно одинок, и рассказывал он так точно и живо, что у молодой женщины навернулись на глаза слёзы.

— А может, это всё же тот самый? — сказала она.— Спрячу его на память об этой истории. А ты непременно покажи мне могилу старика!

— Я не знаю, где она,— отвечал он.— Да и никто не знает. Все его друзья умерли раньше его, никому не было до него дела, а я тогда был ещё совсем маленьким.

— Как ужасно быть таким одиноким! — сказала она.

— Ужасно! — откликнулся оловянный солдатик. — Но какое счастье сознавать, что тебя не забыли!

— Счастье! — повторил чей-то голос совсем рядом, но никто не расслышал его, кроме оловянного солдатика.

А был это лоскуток свиной кожи, которой когда-то была обита комната старого дома. Позолота с него вся сошла, и он был похож скорее на сырую землю, но у него был свой взгляд на вещи, и он его высказал:

— Позолота сотрётся, свиная кожа остаётся.

Только оловянный солдатик с этим не согласился.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ганс Христиан Андерсеи

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК И ДРУГИЕ СКАЗКИ

ИБ № 4496

Ответственкый редактор Н. В. Шерешевская. Художестаенкый редактор Т. М. Токареаа. Техккческий редактор С. Г. Маркоаич. Корректор А. П. Сарккеяи. Сдаио а иабор 21.04.80. Подписако к печати 19.08.80. Формат 60×90 1/8. Бум. офс. № 1. Усл. печ. л. 4. Уч.-иад. л. 2,59. Тираж 1 500 000 эка. Закаа № 1472. Цека 20 коп. Ордена Трудоаого Красного Знамени издательстао «Детская литература» Государствеккого комитета РСФСР по делам издательста, полиграфии и ккижной торговли. Москаа, Центр. М. Черкесский пер., 1. Ордека Трудоаого Красного Знамеии фабрика «Детская кикга» № 1 Росглааполиграфпрома Государстаеяного комктета РСФСР по делам издательста, полиграфии и ккижной торговли. Москаа, Сущеаский аал, 49.

Андерсен Г.-Х.

А65 Стойкий оловянный солдатик и другие сказки: Пер. с дат. А. Ганзен; Рис. А. Архиповой.— М.: Дет. лит., 1980.— 32 с., ил.

20 к.

Три сказки аеликого датского сказочника: «Стойкий олоаиный солдатик», «Гадкий утёнок», «Старый дом».

А $\frac{70802-457}{М101(03)80}$ 363—80 И(Дат)

20 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»